

ПУТЬ ОБОРВЁТСЯ

С тех пор как они покинули последний город, Аматаэрасу несколько раз взбиралась на небо и столько же — неторопливо спускалась с него, возвращаясь в ночное убежище. В иных городах, где Киоко успела побывать и где жадно и совершенно недопустимо подслушивала чужие беседы, поговаривали, что Аматаэрасу спускается в пещеру, в которой прячется от собственного брата Цукиёми.

Киоко снедало любопытство. Если это правда — до богини можно добраться. У неё, как и у всех, есть своё обиталище среди смертных. А значит... Что это для неё значит, она ещё не решила. Истинный виновник смерти мамы и Хидэаки нашёлся, и хотя богиня всё равно не защитила своих детей, Киоко принимала это, как приняла оставленность их мира иными богами.

Эти мысли занимали Киоко какое-то время, но сейчас всё, о чём она думала, — до безумия желанный и столь же недостижимый отдых, молитвь о котором не позволяли те крохи гордости династии Миямото, что она не очень успешно старалась сохранить в себе.

В начале путешествия она ещё пыталась считать восходы и заходы жёлтого диска, но после нескольких дюжин, свершившихся со времени выхода из логова оками, сбилась, оставив ориентацию в пространстве и времени своим спутникам.

— Киоко, зря ты пошла, — тихо заметила Норико. — Выглядишь неважно.

«Неважно» было слишком мягким словом даже по меркам дворцовых приличий.

— Знаю. — Киоко не потрудилась осмотреть себя. Она действительно знала, что выглядит хуже, чем когда-либо. Она и чувствовала себя хуже, чем когда-либо. Уставшая, дурно пахнущая, брови отросли в головастиков, которые начиная с древесного месяца и до самого времени жизни облепляют берега Кокоро. А волосы... Хотя они и собраны заколкой — простой, не подарком Иоши, а из тех, что есть в доме каждой городской и деревенской жительницы, — её Киоко не снимала уже несколько дней, с самого отбытия из последнего города Северной области. Так что она уже боялась не суметь распутать и заново собрать то, во что превратился тугой пучок.

Всё, чего ей хотелось, — лечь и уснуть. Можно прямо здесь, но желательно в ванне, и чтобы её кто-нибудь хорошенько вымыл, пока она будет спать.

Они шли по пустоши несколько дней. Изредка им попадалась какая-то растительность, но чем дальше на запад они пробирались, тем меньше живого оставалось в этих выжженных давней войной землях.

Иоши молча протянул Киоко флягу с водой, и она благодарно сделала глоток. Он всё время держался рядом и заботливо помогал, но почти не говорил. Поэтому, когда, спрятав воду, он хрипло задал вопрос, удивились все.

— Неужели за тысячу лет земля так и не смогла восстановиться?

Даже Хотэку, услышав его голос, спустился чуть ниже, проверяя, всё ли у них в порядке.

Киоко прислушалась к ощущениям. Эта земля была не просто мертва — она кишела мертвецами. Тысячи ки

и ками сплелись в мучениях общих смертей, не в силах покинуть это место и обрести покой. Это было страшно и больно, потому она почти сразу отсекала эти чувства, заглушила их, не в силах думать о том, сколько иссушенных тел и забытых душ хранят местные камни.

— Земля ещё дышит здесь смертью, — тускло протянула она, — потому жизни и нет. Но... — она запнулась: тысяча лет всё же долгий срок. — Неужели нет здесь монахов, которые отмолили бы павших и отправили их души с ветром искать покой?

— Похоже, некому было просить богов принять ками погибших, — вмешалась Норико. — А сейчас никто уже не скажет, за кого просить. Безымянные ки, потерянные ками, никому не нужные, павшие жертвами вашей войны.

Иоши кивнул и больше не проронил ни слова. Киоко задумалась. С его воскрешения и их первой встречи после него они не оставались наедине: сначала строили планы вчетвером, затем отправились в это безумное путешествие, да ещё и пешком — ни торговцами, ни тем более знатью они выглядеть не хотели, чтобы не привлекать лишних взглядов, а потому и лошади были не положены. И хотя Киоко чувствовала любовь Иоши в коротких взглядах, прикосновениях, заботливых жестах, — ей не хватало возможности побыть вдвоём, поговорить о том, что с ними происходит. Или не происходит. Она уже ни в чём не была уверена.

— Дальше земля холмистая. — Хотэку снизился и, опустившись на ноги, сложил крылья. Его кимоно — такое же чёрное, простое и потрёпанное, как у каждого из них, лежало в вещевом мешке, привязанном к поясу, над которым тяжело вздымалась обнажённая грудь. Поначалу Киоко смущалась от такой откровенности, но потом настолько привыкла, что даже перестала замечать.

Она осмотрела холмы вокруг и позади — те, что они уже прошли, — и уточнила с ноткой отчаяния в голосе:

— А эта разве не холмистая?

— Там больше, равнин практически нет. Но есть и хорошие новости.

Она сомневалась, что хорошие новости вообще возможны. Они ещё очень, очень и очень — непростительно — далеко от западного побережья, до которого им нужно дойти.

— Мы добрались до Западной области, — улыбнулся Хотэку, и Киоко действительно полегчало. — В тех холмах уже вижу первый город провинции Тозаи — Юномачи.

— Наконец-то. — Норико лениво потянулась. — Неужели я смогу поспать свои положенные восемь стражей... И ещё две дополнительные.

— Ты бакэнэко, а не кошка, — заметил Хотэку. — Разве твои потребности не ближе к человеческим?

— У тебя сейчас лопатки человеческими станут, если не заткнёшься, — оскалилась она. — Веди нас.

Он молча улыбнулся, достал своё кимоно, набросил его, небрежно подпоясав, и двинулся дальше пешком. Остальные направились следом — и Киоко пришлось присоединиться, хотя ноги гудели так, что грозились отказать в любую секунду.

Иоши наклонился к ней и тихо уточнил:

— Ты точно не можешь превратиться в кого-то, кто легче переносит дорогу?

Что-то он удивительно многословен сегодня.

— Могу, но превращусь обратно — и мне конец. Я потом три дня не встану, потому что уйдёт ещё больше сил.

Он поджал губы и выпрямился. Киоко старалась не думать о том, какие от неё сейчас исходят ароматы. Впрочем, мужчины пахли не лучше. Но для самураев это

было в порядке вещей: они всё время в походах. Иоши с Хотэку будто даже не замечали, насколько они вспотевшие и грязные. Только Норико иногда морщила нос и показательно вылизывалась. А Киоко... Ей нужно срочно помыться.

— Я не понимаю, зачем ты вообще пошла, — снова заметила Норико.

— Ты мне говоришь это почти каждый день.

— А ты не отвечаешь! Ну что случилось бы, если бы мы сами сходили к этому предсказателю? Отсиделась бы в Ши с волками, чего рисковать? Не думаю, что этот ваш Сивоньсэ...

— Сиавасэ, — поправил Хотэку.

— Знаю. — Норико поморщилась и фыркнула. — Сомневаюсь, что он вообще что-то полезное скажет. Зря только потратим на дорогу целый месяц. Даже больше двух, если считать обратный путь...

Всемогущий Ватацуми, ещё ведь и обратно идти... Норико права: Киоко не обязательно было присоединяться к этой безумной идее. Но сидеть так долго в лесу без вестей... Сначала они рассматривали вариант оставить Киоко с оками — императрице не стоит подвергать себя излишней опасности. Но лишь представив это, она быстро отменила идею. Слишком опасно посылать письма с гонцом двум ёкаям и мертвецу, а не знать, как продвигаются дела, показалось невыносимым, так что даже пытаться Киоко категорически отказалась. Правда, теперь она склонялась к тому, что это было бы менее невыносимым, чем часами идти по голым камням под палящим солнцем, наблюдая однообразный пустынный пейзаж.

— Я сделала свой выбор, — отрезала она, — от твоих вопросов ничего не изменится.

— Сейчас — нет, — согласилась Норико, — но, может, в следующий раз ты подумаешь получше.

Киоко закатила глаза — дурные привычки тех, среди кого они проводили вечера в идзакаях, прилипали слишком быстро — и пошла чуть быстрее, пытаясь оторваться от кошки. Это стоило ей почти всего остатка сил и выносливости.

Иоши не был уверен, что Киоко следовало идти с ними, но здесь он хотя бы мог её защитить. С другой стороны, где угодно сейчас было опаснее, чем в Ши. Ши вообще оказался на удивление спокойным лесом, когда дружишь с его обитателями. И Иоши радовался, что больше не был для них врагом: враждовать с посланниками богов — верх безумия.

Но его отец, похоже, меры безумия не знал. И Иоши не был уверен, что рано или поздно армия Шинджу не отправится жечь лес дотла, чтобы вытравить оттуда всех ёкаев, которые так мешают им жить.

Всю жизнь он знал, кем являлся — сыном своего отца, самураем, почти состоящим в отряде сёгуна. Он должен был стать избранным бойцом, воином, что отдаёт жизнь за империю, а в итоге был убит собственным отцом. Но его прошлое и его амбиции умерли ещё раньше — в тот миг, когда он услышал, *что* сёгун совершил с семьёй Киоко, в ту минуту, когда понял, что ёкай, которого он предал, вернулся не отомстить, а сказать правду, открыть ему глаза.

Правда ценой жизни. Но она того стоила. Если бы пришлось умереть ещё раз, чтобы узнать истинный лик отца, — он бы сделал это. Если бы пришлось снова почувствовать, как клинок отца режет лицо, чтобы понять Киоко и стать частью её мира, — он бы ни мгновения не колебался.

Но сейчас, видя, как Киоко изнемогает от усталости, Иоши хотел лишь уберечь её от этого. Он и сам устал. Все

устали. И всё же понимал: его усталость не шла ни в какое сравнение с тем, что чувствовала Киоко и её тело, совершенно не готовое к таким испытаниям.

Он с ней почти не говорил. Не знал, как заговорить. Не понимал, что нужно сказать. После той беседы на поляне они сразу взялись строить планы на будущее — и отправились на его поиски к Нисимуре Сиавасэ. У Иоши не было времени обдумать всё. Не было времени побыть с ней наедине. Они договорились быть честны, но в его душе сейчас было так много... зыбкого, невыразимого. Он не был уверен даже в том, насколько честен с собой.

— Смерть её семьи не на твоих плечах, — как-то сказала ему Норико. Иногда ему казалось, что она читает его мысли... Что ж, может, так оно и было.

Он осознал, что Норико права. Но если бы он понял раньше... Если бы он разгадал план отца... Если бы только был не так слеп в своих попытках стать достойным воином, военачальником... Возможно, он сумел бы спасти императора. Возможно, он сумел бы оградить её от той боли.

Резкий выдох рядом: Киоко споткнулась и уже летела вниз на острые камни. Мгновение — и она в его руках. Успел. Лазурные глаза посмотрели сначала испуганно, а затем пришло осознание, и в них появилась благодарность, а на лице — улыбка.

— Самурай вновь спас свою госпожу. — Она осторожно поднялась и отряхнула кимоно, с которого облаком слетела пыль. Иоши молча поднял сумки, которые сам не заметил, как бросил, чтобы освободить руки.

«Хотя бы сейчас», — подумал он.

Из сумки выпал свиток-карта, успешно изъятый у какого-то гонца, которому не посчастливилось встретить темнокожую девушку с острыми клыками и когтями, способными вспороть горло. Последнее Иоши знал на собственном опыте.

Он развернул свиток и сверился с ним. Хотэку прав: Юномачи совсем недалеко — меньше суток пути.

— Там рёкан, верно? — спросил он, и все остановились.

— Что? — переспросила Киоко. Беспокойство в её голосе ему не понравилось.

— Рёкан, постоялый двор. Перед городом. Думаю, там остановиться будет безопаснее, чем в самом городе.

— Ты прав, — согласился Хотэку.

С ним Июши тоже ещё не говорил, хотя и понимал, что стоило бы. Из всей троицы он как следует поговорил только с Норико — после своего возвращения в мир живых. И поблагодарил её. А остальные... Ему никак не хватало духу признать, насколько сильно он ошибался, признать, что он, единственный простой человек среди них, в то же время и единственное чудище.

Окружение рёкана резко контрастировало с остальным пейзажем. Землю расчистили, даже сумели что-то посадить — удивительные колючие кусты и зелёные пухлые растения с толстыми листьями росли вдоль дорожек, выложенных крупными камнями песочного цвета. Травы не было, но это место было пронизано особым духом, которого Киоко не встречала никогда. Не уют, не красота, не изящество, присущие южным садам, но что-то другое, что-то, что позволяет радоваться именно такой обстановке — небогатой на растительность, но по-своему прекрасной.

Само здание было будто сложено из песка — а может, это и был песок. Деревьев здесь почти не наблюдалось.

Внутри оказалось тоже совсем не так, как ожидала Киоко. До этого они останавливались преимущественно в идзакаях, сливались с местным сбродом, ели дешёвую пищу и тихо-мирно уходили на ночлег, снимая одну комнату на всех. Здесь же Киоко сразу почувствовала себя... грязной. Она и так осознавала, что долгие дни пути вымотали её душу и тело, но на чистом полу и в окружении зелёных растений у стен она снова ощутила острую необходимость вымыться как можно скорее.

Вокруг витал странный солоноватый аромат, который она не смогла распознать.

У входа их встретила девушка. Опрятная и красивая, с напудренным лицом и очерченными бровями-каплями. Она явно подражала придворным дамам, только одежда её была проще.

Киоко заметила, как та окинула их подозрительным взглядом, но кто бы не насторожился при виде компании из трёх потрёпанных путников, один из которых — женщина? В идзакаях Киоко обычно принимала облик какого-нибудь мельком увиденного мужчины — хотя ей стоило больших усилий избавиться не только от привычного поведения знатной дамы, но и от женских манер в целом, — и поэтому никто не задавал вопросов. Но сейчас она сменила своё истинное лицо на внешность Каи, и взрослая женщина не очень хорошо смотрелась рядом с Хотэку и Йоши, которые к тому же предусмотрительно (и подозрительно) прятали лица за широкополыми касами.

— Добро пожаловать в пасть «Огнедышащего дракона»! — девушка приветливо улыбнулась, запрятав своё презрение и догадки так глубоко, что от них не осталось и следа. Киоко с удовлетворением отметила, что работницу достойно воспитали. — Моё имя Рэй.

Она поклонилась, и все — за исключением, конечно, Норико, которая вообще ни перед кем голову не склоняла, — поклонились ей в ответ.

— Хотите остановиться у нас на день, ночь или на некоторое время? — Она присела у небольшого столика и развернула свиток, в котором, видимо, значились постояльцы. Надо же, совсем не как в идзакае.

— Полагаю, мы останемся на две ночи, — сказал Хотэку.

— Господа подскажут мне свои имена? — Она обмакнула кисть в чернила и приготовилась записать.

— Исао Ямагучи, — Иоши представился первым.

— О. — Она резво записала его имя, не потрудившись скрыть удивление.

— Мои спутники и слуги — Норайо и Кая — следят за вещами и помогают в пути.

Иоши ещё на подходе к гостинице отдал все вещи Хотэку, и теперь тот склонился ещё раз, выражая почтение своему названому господину за то, что тот удостоил его упоминания. Киоко последовала его примеру.

— И вы без лошадей? — Рэй-сан подняла невинный взгляд, но Киоко поняла, к чему та клонит.

— К сожалению, северные земли не особенно дружелюбны. На пути из города Нисикон на нас напали, — голос Иоши был так твёрд, что Киоко поверила бы каждому слову, если бы не прошла сама весь этот путь с ним бок о бок, деля воду из общей фляги.

Рэй охнула, прикрыла рот рукой и часто захлопала глазами. Киоко замутило. Это слишком ярко напомнило ей придворных дам и то, почему она никогда не могла найти с ними общей язык.

— И что же, вы отбились? — она смотрела так, словно перед ней стоял не незнакомец в грязном дорожном кимоно, а мужчина, что пришёл покорять влюбчивое

сердце девушки. Она, готовая жадно ловить каждое слово, почти не дышала. Идеальная игра. Совсем не такая искусно-равнодушная, как у дам во дворце, и всё же безупречная в своём стиле.

— Как видите, но лошадям повезло меньше.

Снова вздох испуга — в этот раз со смесью сожаления. Киоко едва сдержалась, чтобы не заплодировать. Аими-сан была бы безмерно довольна, будь Рэй-сан у неё в ученицах вместо Киоко.

— Вы, верно, так устали! — Рэй-сан поднялась и торопливо зашагала вглубь здания. — Следуйте за мной, я покажу ваши комнаты. У нас нет разделения на женскую и мужскую половины, так что ваши спальни будут рядом. Надеюсь, господину это не доставит неудобств? — остановилась, обернулась, наклонила голову и смотрит снизу вверх. Ох, этот взгляд!.. Киоко вспомнила, как отработывала его множество раз. Только Аими-сан наставляла ещё и лицо рукавом или веером прикрывать: нос, даже густо припудренный, невыгодно выделялся при таком взгляде.

— Нисколько, — заверил её Июши, грубо оставляя без внимания столь явные намёки в свой адрес.

— Горячий источник находится во дворе, выход в который есть из каждой спальни. Справа увидите пристройку для омовения, оттуда можно выйти в сам онсэн, он на закрытой огороженной части двора. Сейчас мужское время, как сменится стража — настанет женское.

Киоко постаралась не удивляться. Раз Июши назвалась фамилией даймё Западной области, выдав себя за его родственника, — у них нет права удивляться чему угодно в этой местности. Все вопросы лучше задать потом Норико или кому-то ещё, но точно не работнице рёкана.

Рэй-сан провела сначала — как и подобает — господина, то есть Июши, а уже после выделила комнату Хотэку и следом — Киоко.

— У вас такая ручная кошка, — заметила Рэй-сан, — удивительно, никогда таких не видела. Обычно они гуляют сами по себе, а эта за вами хвостиком, — она улыбнулась. Киоко отметила, что ей приятна эта искренняя улыбка, и даже поведение Рэй-сан рядом с Иоши её не раздражает. Похоже, всех женщин Шинджу учат одним и тем же правилам.

— Она со мной с самого детства, верная подруга. — Киоко улыбнулась и вошла в комнату, которую перед ней открыли. — Благодарю вас за тёплый приём, — она поклонилась, — сообщите, как настанет женское время.

— О, вы услышите бой барабана. Но я непременно приду и сообщу дополнительно, — Рэй-сан поклонилась в ответ и задвинула сёдзи.

Норико повела ухом, дождалась, пока шаги, удаляющиеся в сторону входной двери и террасы, затихнут, и резко бросила:

— Не нравится она мне.

Киоко усмехнулась:

— Почему? Мне показалась очень милой.

— Ты что, так утомилась, что зрение потеряла? Она же так и вертится вокруг Иоши.

— Ты как будто не во дворце жила, Норико, — показала головой Киоко. — Придворных дам видела? Они все такие.

— Ты не такая!

— Я была позорным исключением.

— Говорю тебе, она вертится вокруг него, как течная кошка. Вот увидишь: ещё и к источникам придёт, пока они там голые сидеть будут.

Кончик хвоста Норико нервно подрагивал, и Киоко снова улыбнулась.

— Они? Тебя точно верность Иоши волнует? Или...

— Пойду проверю, — перебила Норико и выскочила через окно, не дав договорить.

Киоко вздохнула.

— Здесь, вообще-то, есть дверь, — пробормотала она. — И я про источники спросить хотела...

Постояв с минуту и наблюдая за тем, сколь неподвижны под ветром толстые листья растений в саду, она открыла дверь и вышла во двор. Оставаться в комнате в своём ужасном виде ей казалось неправильным — даже сесть на пол в грязном кимоно она не осмелилась.

Вода приятно обволакивала уставшее тело, напряжённые мышцы расслабились, и Йоши позволил себе обмякнуть. Он прикрыл глаза и лежал без движения, без мыслей. Редкий миг спокойствия, когда истерзанный противоречивыми суждениями разум забыл о контроле и позволил обрывкам мыслей свободно блуждать. Сознание сохраняло покой до тех пор, пока вода не качнулась, обозначая присутствие кого-то ещё. Не нужно было смотреть, чтобы понять, кто присоединился.

Какое-то время он слушал тихий плеск — такой, словно маленький чиж полощется в воде, никак не ёкай. А затем Йоши тихо произнёс, не открывая глаз:

— Удивительное ты создание, Хотэку. Даже здесь почти неощутимо твоё присутствие.

— Я не пытаюсь скрываться, — раздался ответ. — Не сейчас.

Йоши всё же открыл глаза. Со времени их сражения на одной стороне он стал смотреть на самурая совершенно иначе. Он всё ещё не доверял ёкаям — ненависть и страх, взращённые с пелёнок, так просто не уходят, — но Хотэку

не был врагом. И Иоши невольно отметил, насколько сильный у него союзник.

Сложение Хотэку едва уступало развитой мускулатуре Иоши, но и это была иллюзия. То, как он управлялся с катаной, и то, как его грация и мастерство владения телом помогали ему в бою, делало ёкая гораздо лучшим воином, чем Иоши. С трудом, но он смог признать, что у него не было ни единого шанса вступить в отряд сёгуна, пока младшим оставался Хотэку. И хотя само это желание погибло тогда же, когда отец вспорол ему лицо, осознание осело тайной жаждой превзойти, продолжать оттачивать мастерство и стать достойным соперником.

Чёрные крылья распластались по воде. Хотэку аккуратно опускал их, слегка водил под водой и, поднимая, мелко стряхивал. Брызги летели во все стороны моросью. Это совсем не раздражало, даже наоборот — напоминало Иоши о густых утренних туманах над Кокоро, орошающих лицо, когда он приходил туда до занятий медитировать на рассвете.

Он скучал по дворцу и дому. Не думал, что станет, но здесь, в сухих безжизненных краях, он всё чаще вспоминал свою мать. Интересно, как она? Он надеялся, что держится подальше от их дома и отца. Мэзэхиро ненавидел проигрывать, и, хотя он занял трон, смерть Киоко сильно осложнила ему задачу, заставив узурпировать власть, а не прийти к ней естественным путём, как он того хотел, женив сына на принцессе. Кто знает, насколько более жестоким мужем его это сделало?

Как отца — уж точно ожесточило. Иоши всё ещё помнил, что рука с кинжалом не дрогнула и ни тени сомнения не промелькнуло во взгляде, когда Мэзэхиро его убивал. Эта сцена врезалась в его сознание и никак не выцветала. Он хотел бы забыть, но чем сильнее старался, тем чаще этот образ возвращался к нему...

— Ты в порядке?

Иоши сморгнул наваждение и сосредоточил взгляд на Хотэку. Такое спокойное и всегда уверенное лицо — и не подумаешь, что когда-то у него были трудности с гневом, из-за которых он чуть не вылетел из школы.

— В порядке, — Иоши постарался придать голосу уверенности, но, судя по слегка вздёрнутой брови Хотэку, получилось не очень хорошо.

— Слушай, я не хочу лезть тебе в душу... — начал ёкай.

— И не стоит.

— Но ты весь путь почти не говоришь, — продолжил он.

И меньше всего Иоши хотел бы сейчас говорить с *ним*. С тем, кого сам чуть не убил руками отца. Он не был готов.

— Я понимаю, что ты не очень любишь ёкаев и, возможно, тебе не очень приятно, что так всё обернулось, но Киоко-хэика... — он осёкся, осмотрелся и понизил голос: — Она разве не заслужила, чтобы с ней говорить?

Иоши невольно улыбнулся. Хотэку только что разворачивал свои крылья по всему источнику, промывая каждое перо, но забеспокоился о посторонних, только когда заговорил *о ней*.

И всё же он был неправ.

— Не в неприязни дело, — отчеканил Иоши. Ему стоило бы продолжить, но слова почему-то не собирались в нужные фразы. Он неуверенно поёрзал, подогнул колени и, поставив на них локти, прикрыл лицо руками.

— Тебе необязательно объясняться. Просто... Будь снисходительнее к той, кто потеряла всё.

— Я забочусь о ней. — Иоши не понравилось, что это звучит как оправдание. Он не хотел оправдываться.

— Ты знаешь, что я не об этом.

Он знал.

Она просила его быть искренним. Он помнил. Помнил, но предпочитал притворяться, что забыл. Верил — или хотел верить, — что она сама забыла о своей просьбе.

— Знаешь, — вода покачнулась, и на плечо опустилась рука, лёгкое касание, почти невесомое, — когда есть с кем разделить то, что внутри, — жить легче.

Иоши усмехнулся:

— То, что у меня внутри, больше не принадлежит только мне.

— Без обид, но вряд ли Норико ковыряется в твоих мыслях. Она не из тех, кому есть дело до чужих чувств. Разве что ты длинноволосая дева, унаследовавшая престол и дар от бога по праву крови, но как-то не очень похоже.

Иоши отнял руки от лица и с улыбкой посмотрел на Хотэку. Ёкай был прав: заносчивой бакэнэко нет до него никакого дела. Во всяком случае, бóльшую часть времени. Но и сам Хотэку не походил на того, кто может раздавать советы об искренности.

— Не ты ли скрывался полжизни среди тех, кто ничего о тебе не знал?

Тот лишь пожал плечами:

— Потому я и понимаю, о чём говорю.

Хотэку сидел близко, возможно даже слишком близко, но отчего-то это не вызывало неловкости. На миг показалось, что они давние друзья, и Иоши вдруг сумел подобрать слова. На самом деле понял, что нужно только одно слово.

— Прости, — сорвалось с его губ. Оказывается, так просто. — За то, что донёс отцу. Не стоило этого делать.

— Тогда ты этого не знал. — Хотэку не отстранился, не убрал руку с плеча, остался так же спокоен, как и был, продолжая прямо смотреть в глаза.

— Но мне стоило верить Киоко.

— Ей, может, действительно стоило. А вот мне — не думаю. На моём месте мог оказаться предатель, — он улыбнулся. — К тому же ты уже заплатил за эту ошибку собственной смертью.

— Порадовал тебя, да?

— Несомненно, — Хотэку улыбнулся ещё шире, хлопнул по плечу, убрал руку и отвернулся, переводя взгляд на странного вида кусты, скрывающие горизонт от них, а их самих — от чужих взглядов.

Июши снова почувствовал спокойствие. И облегчение. Хотэку оказался прав. Он отбросил мысль о том, как раздражающе часто это случалось. Но слова, оседавшие внутри и никак не находящие выхода до этого момента, словно камнем тянули вниз, в омут собственных переживаний. Сейчас же, обретя силу и вырвавшись наружу, они больше не занимали место, не давили своим присутствием. Стало легче. Стало действительно легче.

Но это внезапное облегчение прервалось тонким звонком тревоги. Не его тревоги, чужой, но ощутимой ясно, словно собственная.

Норико спокойно прошла к горячим источникам — хва-ла Каннон, сотворившей бакэнэко, её никто и не думал останавливать. Июши нежился, прикрыв глаза, в то время как Хотэку по-птичьему купал свои крылья: нырял и выныривал, опускал то одно, то другое, отряхивал оперение, по-ребячески играл с водой.

Рядом никого не было, и Норико удовлетворённо хмыкнула. Ну конечно, Хотэку не позволит никому подойти незаметно. Его секрет не так-то просто спрятать, плавая голышом. И пусть ёкаи вне столицы имеют больше свобод, крылатых среди них не наблюдалось,

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

а потому Хотэку старался оставаться для всех незнакомцев человеком.

Полюбовавшись ещё немного тем, как, мокрый и обнажённый, он играет крыльями и мышцами — наверняка сам не подозревая о том, *как* это выглядит, — она сделала над собой усилие и вышла из закрытого пространства онсэнэ. Принюхавшись, Норико безошибочно определила, в какой части двора Киоко, и направилась туда. Однако, дойдя до источника запаха, нашла только пару гэта на камнях.

Это... странно. Даже если Киоко ушла дальше босиком, она не могла не оставлять за собой запах. Норико прислушалась — ничего. Обнюхала всё вокруг — запах только Киоко, ведёт из спальни. Она словно шла, шла, а затем просто... растворилась в воздухе.

Сердце дрогнуло. Норико никогда не чувствовала себя такой беспомощной. Киоко не было рядом — точно. Она обежала весь рёкан — её не было нигде. Работница сидела на месте, Иоши и Хотэку — в источнике, и больше никого.

Рёкан был пуст.

Но Киоко ведь не могла просто исчезнуть...

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

